

«РАВНОДУШИЕ
УБИВАЕТ»

18+

*Тем, ктѡ
не дожел
до дома*

СЛАВА КРАСИНА

Слава Красина

Тем, кто не дошел до дома

«ЭКСМО»

2023

Красина С.

Тем, кто не дошел до дома / С. Красина — «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-193624-2

Ему семнадцать. Его выставляют из дома – нечем кормить, а он уже взрослый. Ей шестнадцать. Ее родители на грани развода из-за психического расстройства матери. Двое, Мальчик и Девочка девяностых, лучшие друзья, единственные друг у друга, встали на путь взросления в непростое для всей страны время. Оба находят пристанище в компании людей таких же, как они, молодых, но уже погрязших во всех пороках мира – без ограничений, законов, правил и тормозов. В этом мире можно быть кем угодно, если есть героин. Впрочем, Девочке и Мальчику заданы разные векторы движения: ей – жить и выбраться из мрака, ему – повторить путь многих сверстников. Была ли у них свобода выбора? Какова ее цена? Девяностые годы. Крах идеологии, хроническое безденежье, уныние, безысходность, бандитизм – новые реалии эпохи перемен, коснувшиеся каждого жителя. Самыми незащищенными и потерянными в этот период оказываются подростки: уже достаточно взрослые, чтобы не мешаться у родителей под ногами и полноценно совершать собственные ошибки, и в то же время все еще дети, страдающие от отсутствия внимания и родительской любви. Это роман-эпитафия – тем, кто не смог пройти по дороге взросления, кто стал представителем потерянного поколения подростков 90-х, умерших от наркомании, вседозволенности, беззакония и разрухи того лихого времени. Прекрасное образование, лучшие школы страны, уникальная интеллигентская среда научного городка не помогают сделать правильный выбор в жизни, ведь этого мало, нужно нечто большее. Нужно, чтобы кому-то было не плевать на тебя. В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-04-193624-2

© Красина С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	7
Шокер и Краш	9
Самый первый	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Слава Красина

Тем, кто не дошел до дома

Посвящается моим друзьям, которых я помню иногда лучше, чем они сами себя.

С огромной благодарностью о. Владимиру, который делает великое дело.

Часть первая

Мальчик и Девочка

На смежных балконах на большой высоте, там, где стрижи крыльями чертят в небе ломанные линии, куда не долетают комары, где с одной стороны стоит старое кресло, обитое бордовым плюшем, на котором лежит длинноногая рыжая борзая, а с другой стороны – пустота только что сданной в аренду квартиры, спиной к спине, разделенные бетонной панелью на разные подъезды, сидят двое. Мальчик 17 лет и Девочка 16. Он поет под гитару песни своего сочинения, которые в голос можно только самому себе в безопасном беззвучии крошечной комнаты. Поет достаточно тихо, чтобы не услышала сестра и не подняла на смех, высокомерно сморщив хорошенючий носик, но и достаточно громко, чтобы точно быть услышанным странной Девочкой, удивительной гостьей с надкусанным яблоком в руке, позволившей в их квартиру спустя пару дней после переезда и с невозмутимым видом попросившей у родителей разрешение перелезть с их балкона на свой. На резонный вопрос мамы «зачем?» гостья ответила, что она ушла из дома без ключей, а изнутри никто не открывает, померли они там, что ли, все скопом? Пока мама с отчимом соображали, разрешать или нет что-то подобное, Девочка уже уверенным шагом проследовала к балкону и через секунду была на своей стороне – никто толком и опомниться не успел. Сестра ошарашенно покрутила пальцем у виска, мама упала в обморок на руки отчиму, Мальчик ничего не понял, но забыть происшествие не смог и думал о нём весь вечер. Девочка же унесла с чужого балкона на свой странное чувство, что случилось что-то гораздо более важное, чем просто возвращение домой нетривиальным, но вполне привычным уже способом.

Мальчика звали только по имени. Клички у него не было, сам он себе, конечно, неоднократно придумывал, но они не приживались. По меркам его друзей он был приличный, невысокий, умный, его уважали, но ничего с ним серьезного не мутили, потому что он не вписывался в общую картину. С ним здоровались за руку, с радостью тусовались, шутили, но держали дистанцию, потому что не понимали, что он такое и можно ли ему доверять. Он ни разу ни в чем, кроме чемпионатов по информатике, не был замечен, не доводил преподавателей, не курил, не ругался матом, после учебы шёл домой и много читал – короче, типичный ботаник, вполне вероятно, латентный неформал, только не носивший длинных волос, балахонов и мешковатых джинсов. Слишком аккуратно подстриженный и чистый, домашний. Ему до сих пор не разбили лицо для проверки на вишивость лишь потому, что его сестра была невероятно хороша собой, слишком крута и остра на язык, дружила с самыми здоровыми пацанами района, а у остальных вызывала приступ неконтролируемой эрекции и робости. Короче, он был вне закона и понятий.

Девочка на другой стороне балкона вообще была одиночкой. Она едва выглядела на 13, маленькая, худенькая, с остреньким личиком и огромными серыми глазами, с непокорным ершиком коротких волос на голове, свисающих справа до плеча и покрашенных в темно-синий цвет, с едва оформившейся припухлостью в районе груди и ещё не округлившимися бёдрами. В 10-м классе она смотрелась смешно на фоне развитых, налитых соком одноклассниц. У неё не было парня, она легко сходилась со всеми, но интересы ровесников обычно с её не совпадали: по клубам она не ездила, попсу не слушала, то, что она читала, вызывало удивление даже у большинства взрослых, гуляла с двумя неуправляемыми борзыми, ходила в горы и обожала лошадей. Подруг на тот момент у неё было несколько, но настоящей нельзя было назвать ни одну.

Может быть, поэтому, а может, и потому, что не надо далеко ходить, Мальчик и Девочка очень быстро стали всё свободное время проводить вместе. Он играл ей свои самые

сокровенные песни, присылал на почту фантастические рассказы собственного сочинения, травил байки про колледж и отбитых панков, с которыми он «типа дружит», про сестру и её шапки с гоповатыми тупыми амбалами. Она жадно слушала, погружаясь в новый, пока неведомый ей мир подростков. Сосед стал ей самым дорогим, самым лучшим другом, тем, кому можно рассказать всё на свете, кто никогда не предаст, не бросит. Ближе родного младшего брата. Ближе любой подруги. Ближе родителей. Ближе всех на свете.

Она слушает его песню, тихо улыбается, ей впервые в жизни тепло и не одиноко.

С этого всё началось. С песни на балконе.

Шокер и Краш

Урок физики вызывает у меня смесь стыда, отчаяния и пофигизма. Я разочаровала папу просьбой объяснить мне элементарную задачку про брусочек, съезжающий по наклонной поверхности. Папа, кандидат наук, победитель всесоюзных олимпиад по физике, химии и астрономии, задачку объяснил, но при этом вздохнул и бросил в меня с грустью: «Не секучая». Поэтому я силюсь понять, что же там на доске происходит, надо же папу переубедить и сдать эту чертову физику через пару недель на отлично, получив то же самое за год. Самой мне на физику глубоко плевать, потому как истинную страсть я питаю к литературе, философии, русскому и в особенности к английскому языку. В это время учительница, Катюша, как её называют в глаза и за глаза, отвлеклась от объяснения темы и подошла к предпоследней парте, за которой сидит отличница Гульнара и яростно что-то рисует прямо на её поверхности. На дворе нищие 90-е, в классе физики стоят новенькие бежевые парты, которые директор купил, сдав в аренду школьный каток под парковку, школьный подвал под сауну, а школьную столовку в выходные для проведения банкетов. Короче, парты эти были манной небесной, и даже самому конченому дебилу было ясно, что рисовать на них нельзя. В смысле НЕЛЬЗЯ. Гуля дебилкой не была, но, видимо, у неё на время совершенно отключился мозг. И вот стоит Катюша над ней и смотрит, как та уродует ручкой уже кем-то до неё испорченную гладь. Там уже красуется огромный синий череп, нарисованный до того анатомически правильно и скрупулезно, что при желании можно выделить и подписать все двадцать три кости, его образующие. Гуля же пишет послание автору, в котором объясняет, насколько он не прав, испортив парту. Беру назад свои слова про дебилность.

Урок сорван сиреной Катюши, орущей на любимицу.

Срочно из старшего 11-го класса был вызван автор черепа, который на всю школу один такой художественно одаренный, тут никакой Шерлок Холмс не нужен, а также директор, классуха автора черепа, наша классуха и завуч, Каверина Любовь Васильевна, чтоб горела она в аду до скончания века.

Досталось всем.

Гульнара ревет.

Шокеру пофиг. Ну, то есть ему не просто пофиг, ему совершенно безразлично. Он крайне вежливо, спокойно, с усмешкой отвечает на вопросы, зачем нарисовал и как вообще додумался. Говорит, не смог удержаться при виде девственницы. Гульнара становится пунцовой, Катюша и классухи покрываются пятнами, директор перестает ходить на черта, и в уголках его глаз появляются озорные морщинки. Каверина Любовь Васильевна и бровью не ведет, 40 лет стажа вот с такими вот имбецилами, эка невидаль. Художников отправляют писать объяснительные. Я впервые открываю для себя Шокера. Наглый, с точеным профилем, несомненно, красивый, таинственный, в гробу видал Каверину, ещё и на год старше.

На перемене Гуля делится со мной своим негодованием и планом мести:

– Я знаю, где этот урод живет, я ему весь подъезд испишу!

– Совсем сдурела? Это же вандализм. Фиг с ней, с партой, но стены-то все видят!

– Да и пофиг! – Гуля вне себя от ярости, у неё теперь выговор в личном деле, она толком сама не понимает, что на неё нашло с этой партой, её распирает от злости и обиды.

Она безвозвратно, раз и навсегда запала на Шокера. Потом она будет тайком писать его кличку маркером на стенах, ходить под его окнами, чувствуя, как сердце заходится от адреналина при мысли, что он может её заметить, мечтать о нём ночами, хотеть его, следить за ним и злиться на себя, на него, ненавидеть и плакать, зная, что он никогда не то что не посмотрит в её сторону, не захочет её, даже если она будет последней женщиной на планете. Шокер слишком хорош для неё.

Весь мир называет это несправедливостью. Я называю это адекватной самооценкой.

Шокер – бунтарь, панк, носит в школу бандану с черепами и срать хотел на то, что неформалов в школе пятеро, а все остальные – гопота, причем, как обычно среди гопников, задел одного – нарвался на весь район. То есть срать он хотел вообще на всё: на то, что его запросто могут избить до смерти только потому, что он есть, на то, что даже за его бандану Каверина может выгнать из школы в любой миг. Год он провоцирует всех, про него ползут всевозможные слухи, а мы строим теории и догадки, почему его никак не выгонят. Может, глубоко в самых потаенных закоулках каверинского сердца он вызывает липкую томную ностальгию комсомолки, медалистки и страшной жабы по красивому хулигану? Может быть. А может, его родители носят ей золотые цепочки и доллары в конвертиках, чтобы она дала их сыну получить свой троечный аттестат. Мне то неизвестно. Меня как магнитом тянет ко всему, что с Шоке-ром связано. У меня ведь нет адекватной самооценки, у меня её вообще ещё нет, поскольку я не рассматриваю вариант отношений с противоположным полом в принципе, мне интересен феномен: человек, расшатывающий систему. Я фотографирую его многочисленные рисунки на стенах подъездов, пользуясь маниакальной страстью Гульнарки к преследованию своего врага и кумира, конспектирую его переписки на стене за шкафом в классе физики и на партах, радуясь тому, что Гулю заставили отмыть все надписи со всех парт во всех классах, где у нас есть занятия. Короче, пытаюсь понять, зачем он это делает: ради эпатажа или из принципа?

Оказалось, принципов у Шокера не больше, чем у дождевого червя.

Для принципов нужно иметь мозг хотя бы в зачаточном состоянии. Если ты научился звать, это ещё не значит, что научился думать.

Год заканчивается очередным скандалом: перед самым выпуском под поезд бросается одноклассник Шокера, тихий волосатый парнишка по кличке Кот. В предсмертной записке было две колонки, в одной из которых причины, почему стоит жить, а в другой – почему не стоит. В колонке с плюсами жизни – пять причин, в колонке с минусами – почти двадцать, и написано и про школьную систему, и про их классную, и про директора, и про Каверину, и про Шокера, который с радостью пичкал Кота суицидальными идеями и всячески взращивал в нём подобные наклонности, и про их совокупный вклад в решение выбрать поезд в качестве будущего. У 11-го класса истерика, траур, последний звонок звенит приглушенно, выпускной отменяют.

Лето пролетело невероятно чудесно. Родители Девочки взяли её, брата и Мальчика с сестрой в горы. Они жили вчетвером десять дней в одной палатке, играли в карты в дождливые дни, ругались, чья очередь мыть посуду в ледяной реке, ночью жгли костер и рассказывали страшилки, а потом жались друг к другу в спальниках до рассвета, потому что страшно было заснуть, зная, что от горных духов и медведей тебя отделяет только шуршащая на ветру ткань, сбивали ноги в кровь, визжали, купаясь в горных ручьях, объедались дикой малиной, набирали полные карманы смолистых кедровых шишек, делились сухими носками, рисовали друг другу ручкой татуировки и ссорились из-за добавки лапши с тушёной. Потом ехали 900 км как селетки в бочке попеременно с рюкзаками на заднем сиденье в старенькой ржавенькой «тройке», изнывая от нехватки места для ног и боясь окончательно сломаться, так и не доехав до дома.

Лето кончилось 31 августа на переключке нашего 11-го класса. Все пришли со своими историями, радостные, соскучившиеся, загорелые – все были счастливы тому, что начинается привычная школьная жизнь, заканчивается отпускной вакуум, наконец-то растащенные по углам дач, лагерей и деревень подростки опять собьются в стайки и стаи и будут жить свою невероятно захватывающую и абсолютно новую жизнь, которую ещё никто до них не жил!

– Я в горах была, – хвастаюсь неохотно, зная, что никто, кроме меня, спортивным туризмом не увлекается, дальше области редко уезжает и уж тем более не знает, что такое вечером после маршрута снять с плеч рюкзаки, а с ног – ботинки. Опыт, которым невозможно поде-

литься, его можно только самому пережить, а рассказывать о нём глупо, да никто и слушать не будет.

– А я в лагере, мы снимали фильм! Настоящий! Я была ассистентом осветителя, нам надо было бегать с во-от такими осветительными приборами, иногда даже в речке с ними стоять, а они, между прочим, к электросети подключены!

Гуля прыгает в восторге, как козочка. Она за лето набрала добрых 20 кг, у неё над верхней губой и над переносицей чернеют волосы, которых раньше не было, и вообще выглядит она совершенно по-другому: уже не девочка-подросток, ещё не баба, но уже понятно, что стадия молодой женщины пролетит над ней как фанера над Парижем и что пока она этого совершенно не осознает.

– Я была в Болгарии с родителями, – говорит первая красавица и умница класса Ева. Все замолкают, придавленные острым чувством зависти. Зависть – это то, что сопровождает Еву все десять лет школы, что душит одноклассниц, что доводит до белого каления одноклассников, когда к Еве подкатывают не они, и та, совершенно не умея пока отказывать, принимает ухаживания. Ева хороша собой, умна, обеспеченна, у неё прекрасные родители, которые не отмахиваются от неё и не пропадают безвылазно на работе. Кому-то дано всё и разом, а кому-то ничего. Приступ классной рефлексии прерывается внезапным появлением на школьном дворе Шокера в компании кого-то нового, доселе невиданного. По всей площадке, по всем классам и учителям проходит шорох, как будто с одной стороны толпы вдохнули, а с другой выдохнули. Все смотрят как идиоты с разинутым ртом на две фигуры. Обе в черных балахонах до пят с капюшонами, лица под маской из белого грима с черным вокруг глаз и рта и с черными же перевернутыми крестами на лбу. Шокер похож на смазливую смерть, усмехается уголками рта, кайфуя от произведенного эффекта. Провокация удалась, а самое приятное то, что она будет совершенно безнаказанной, так как свой аттестат он получил ещё в июне, равно как и его спутник. Спутника зовут Краш. Он немного пониже и помельче рослого Шокера, но зато весь как на пружинках, активный, прыгучий, громкий, отвоёвывающий свою часть внимания деятельным самовыражением. На его лице тот же грим, а приперся он в чужую школу просто из любви к позёрству.

Я смотрю зачарованно, во все глаза. Для меня это не просто разрыв шаблона, это вызов, это громкий клич, зовущий на другую сторону реальности, которому я не в состоянии противиться.

Гуля видимо накаляется, сейчас от неё пойдет пар, произойдет самовозгорание, огонь превратится в плазму, плазма разогреется до десятков тысяч градусов, запустится термоядерная реакция, и она превратится в сверхновую, которая взорвется, станет черной дырой и засосет всех нас на тот свет.

Учителя отходят потихоньку от шока и прикидывают, что это зрелище нужно игнорировать, потому что будет грандиознейшее шоу, попробуй они прогнать придурков, и что именно на это те и рассчитывают. Постояв немного с одноклассниками, мы трое: я, примагниченная к невиданному зрелищу, Ева, уставшая от толпы обычных ухажёров с их скабрёзностями и неумелыми заигрываниями, и Гуля, не понимающая толком, чего её так бомбит, потихоньку сократили дистанцию с черными балахонами. Гуля и Шокер, ненавидевший девушку с момента школьной разборки из-за черепа, тут же сцепились языками, поливая друг друга грязью. Тут Шокер замечает Еву. Всё, вражина ему больше совершенно не интересна.

– А вообще-то у меня сегодня день рождения, – заявляет он как будто в никуда абсолютно миролюбиво, – да вот беда, утро раннее, гости придут только вечером, меня совершенно некому поздравить. А не позвать ли нам девчонок в гости? Пойдёте?

Угадайте, что ответят три девочки-школьницы образцового поведения и послушания двум отмороженным юношам с самой дерьмовой репутацией в районе?

– Пойдём.

И мы пошли. По дороге ничего особенного не происходило, Краш с Шокером что-то между собой тихонько обсуждали. Мы же шли на негнущихся ногах. По-настоящему в панике, что мы согласились, обзывая себя дурами, каждую секунду настойчиво уговаривая себя повернуть назад, но упрямо шагая вперед. Дошли до подъезда, остановились, парни постояли немного, посмеялись, решив, что всё, дальше нам не хватит духу, и пошли в подъезд. Минут через десять оба появились на балконе второго этажа у нас над головой с сигаретами, чисто умытые, в летних майках и джинсах. Стоят, курят, поплевывают вниз, посмеиваются.

– Ну что, крокодилище, ты можешь валить на все четыре стороны! Иди хоть монобровь сбрей, а то меня стошнит прям тут, – небрежно кидает Шокер, сдабривая оскорбление смачным харчком. – Рыжая, поднимайся, мне есть что тебе показать! У меня тут друг один... – закатываются смехом, толкают друг друга локтями. – Да не бойся ты, я ничего такого с тобой не сделаю, ну, может на гитаре тебе сыграю, хочешь серенаду? Лу-у-у-уч солнца золото-о-ого тьмы-ы-ы скрыла пелена-а-а-а!!

Гуля стоит как вкопанная. Уйти сейчас – это всё, смерть, она будет тут до завтра стоять. Надо что-то делать! Увести её. Самый удачный момент сбежать самой, но мои ноги продолжают стоять. Ева, лукаво улыбаясь, смотрит на балкон. Совсем спятила, что ли?! Не вздумай даже думать об этом! Мы уводим Гульку домой прямо сейчас! Я говорю это внутри себя так громко, удивляясь тому факту, что рот мой при этом молчит. Беру под руку пятнисто-пунцовую подругу, у которой от обиды тоже связки, похоже, прихватило, тяну её в сторону. И тут вижу, как Ева делает шаг к дому и говорит:

– Я поднимусь, если ты прямо сейчас бросишь курить!

– А ты поднимись и отними!

Ну всё, началась дурацкая детская игра «догони и отними», в неё играют первоклашки на переменах, а не девки с титьками и парни с усами. Но это, похоже, наш теперешний уровень, по крайней мере Евы и Шокера. Тут я понимаю, что она рано или поздно войдёт в подъезд. Бросаю Гулю, этой-то, кроме потери чувства собственного достоинства, ничего не грозит, никаких физических последствий. Подхожу к Еве, шиплю на неё, как гусь, «ты ШШШТООО?!». Та отмахивается от меня, делая ещё шаг к дому.

Пацаны наверху покатываются от этой сцены, галдят, что да она сама хочет, отпусти её и иди отсюда давай! Но тут Краш, поразмыслив секунду, говорит: «Нет, а мне тогда кого, ты тоже поднимайся».

Знаете, что должно происходить в голове нормального человека в этот момент?

Вот именно.

Развернулись все трое и ушли.

Что происходит у меня в голове от этих слов?

У меня земля уходит из-под ног, сердце делает стремительный вираж в пятки – к горлу – назад в пятки, адреналин в висках стучит, и чёрта с два я теперь отсюда уйду. Разве что вверх, на второй этаж. Мне абсолютно по барабану, что это может быть не совсем правильно, опасно, глупо, недостойно, аморально и пр. Мне теперь надо подняться туда, потому что никто из сверстников никогда не видел во мне девушку, не говорил со мной в пошловатом ключе, никогда не предлагал ничего предосудительного или опасного. И даже в самом смелом эротическом сне этого не делали парни, только что сходявшие на переключку школы в гриме смерти и черном балахоне.

Дурочки с переулочка. Только вперёд.

Мы дружно заходим с Евой в подъезд. Гуля понимает это как предательство, всхлипывает и медленно с достоинством уходит прочь. Потом она с нами несколько дней вообще не разговаривает.

Мы поднялись на этаж, подошли к двери квартиры, позвонить не успели – нас, конечно же, ждали.

– Заходите, разувайтесь, – проводят в зал, в тот самый, где открыт выход на балкон. Мы не находим ничего умнее, чем пойти постоять на свежем воздухе. Краш крутится вокруг нас, смешно перебрасывая из руки в руку пачку сигарет, игра же продолжается! Ева пытается выхватить, с десятого раза у неё получается, она высыпает содержимое пачки вниз с балкона, пачка мнётся и летит туда же. Краш разочарованно и обиженно кричит другу, что всё, откурились на сегодня, может, хоть одна уцелела? Сейчас же мелкие растащат! И как был в носках, так и полез с балкона вниз по ограждению, потом по кованой соседской решётке над балконом первого этажа и вниз на отмостку, искать выжившие сиги. Шокер пока накрывает в зале стол из табуретки, бутылки водки и стопок. Краш возвращается через незапертую входную дверь и молча садится на пол перебирать помятые сигареты в поисках целых.

– Водку будете?

Молчим.

Шокер наливает четыре стопки.

– Вы хоть раз пили до этого?

Мотаем молча головой.

– Смотрите и учитесь! За мой треклятый день рождения, который на ещё один год приближает меня к 33-летию, когда я добровольно прыгну с крыши, дабы не продолжать этот фарс! – он делает громкое «Ху!», опрокидывает водку себе в рот и ставит пустую стопку на табурет.

Мы переглядываемся с Евой и выпиваем свой первый в жизни стопарь.

Дыхание перехватывает. Обжигает горло. Глаза наполняются слезами. Но я делаю усилие, чтобы не показать, что мне сейчас выжжет все кишки. Ставлю стопку на табуретку и вопросительно гляжу на парней. Ева в точности повторяет мои действия, а они смотрят на нас в недоумении: они думали, сейчас будет очередная порция здорового смеха над двумя пионерками, впервые попробовавшими водки.

Обломитесь!

Идёт второй круг, третий, четвёртый.

Никто ничего не говорит, парни молча наливают, когда убеждаются, что нам не слабо и мы не пасуем, выпивают сами и наполняют стопки по новой. Бутылка заканчивается.

Меня водка не берет от слова «совсем». Конечно, во мне столько адреналина, что, осуши я одна эту бутылку, эффекта бы не было, ну разве что проблевалась бы потом. Я жду, что будет дальше. Шокер берёт Еву за руку и уводит в свою комнату. Мы с Крашем остаемся наедине.

Я прекрасно понимаю, что сейчас там в комнате будет происходить. Я прекрасно понимаю, что может произойти здесь, в этой комнате, со мной. Парень, сидевший напротив, подсаживается ближе на полу, обнимает меня за талию, пересаживает на диван и начинает говорить, что ну ты же сама хочешь, сама сюда шла, давай по-быстрому. Я молча смотрю на него, как кролик на удава, но мне почему-то совсем не страшно, не противно, мне даже не странно. Потому что это всё нереально. Это не может происходить со мной в принципе, это сон какой-то, я сейчас его останавливаю, как учил Карлос Кастанеда в своих сновидческих практиках, и посмотрю другой какой-нибудь. Но я не уверена, что другой сон будет интереснее, поэтому лучше остаться в этом и не облажаться. Я смотрю в упор в глаза парня, пытаюсь найти изъяны в ткани сна, логические разрывы повествования. Тот оторопел и не понимает моей реакции. Я не испугалась, не отталкиваю его, не ломаюсь, не реву, но и не выражаю согласия и готовности заняться сексом. Я выжрала только что кучу ваксы на голодный желудок, но и бровью не повела, не то что не опьянела хоть слегка.

Всё идет явно не по плану.

Я в это время понимаю, как должен развиваться мой сон так, чтобы мне было потом что вспомнить утром. Я беру его за плечи, поворачиваю спиной, кладу головой себе на колени, говорю «тсссс, тихо» и глажу нежно по волосам, по шее, по плечам. Сначала он усмехается,

неуверенно поддаваясь на ласку, а потом расслабляется, закрывает глаза и так молча лежит у меня на коленях, а я глажу его по голове, как кота, рассматриваю юное скуластое лицо, замечая, что у него такой красивый четкий уголок нижней челюсти, идущий от уха к подбородку, и что черты лица неправильные, но гармоничные. На меня накатывает нежность, я тоже закрываю глаза. Я в этот момент больше всего на свете желаю, чтобы этот самый невероятный, необычный парень был моим. Я так сильно этого хочу, что вспоминаю все самые идиотские способы заставить желание сбыться, обещая себе все их проверить на практике. Так мы и сидим, закрыв глаза и растекаясь в нежности друг к другу.

В соседней комнате слышна возня, потом выходит взлохмаченная Ева в перекошенной блузке и помятой юбке, недовольный Шокер: ничего у них не вышло, она не дала, он поуламывал-поуламывал, да и отстал – не насиловать же её в самом деле! Кинул ей обиженно «че же ты тогда сюда припёрлась?» и отпустил. Девушка тут же кинулась к двери, наспех обулась и бегом умчалась домой. Неудачливый любовник хлопнул в сердцах за ней дверь и пошел по направлению к залу. Через маленький темный коридорчик прекрасно было видно и диван, и нас с Крашем. Зрелище его поразило до глубины души, он ничего подобного увидеть не ожидал. Он ожидал что угодно – от истерики и драки до разнузданного секса, но только не это.

Он тихо зашел, осторожно сел на ручку дивана, посидел немного молча, собираясь с мыслями, а потом встал и пошёл курить на балкон. Краш открыл глаза, нехотя стряхнул с себя наваждение, аккуратно поднял голову и поцеловал меня в щёку. Потом встал, взял за руку, и мы пошли за Шокером, Краш выудил две мятые сигареты, одну отдал другу, чиркнул зажигалкой. Парни курили молча. Я стояла в балконном проеме и никак не могла поверить, что это не сон.

Они оба проводили меня до дома.

Вечером на балконе Девочка рассказывала Мальчику историю про то, что иногда драконы побеждаются совсем не рыцарями в сияющих доспехах, а нежной женской рукой. Что настоящая принцесса за долгие годы заточения в башне в одиночестве разучивает миллионы заговоров, приворотов, колыбельных песен и сказок на случай, если нужно будет. А то, что будет нужно, она знает точно. И что настоящую принцессу не берет ни водка, ни самогон, ни даже чистый спирт. На это заявление Мальчик усмехается и отвечает, что про спирт это она загнула, что у его бабушки, потомственного врача, всегда есть полторашика на случай чрезвычайной ситуации и что можно проверить этой полторашкой настоящесть любой залётной принцессы, например, на его дне рождения, который в декабре, кстати, она приглашена, можешь начинать готовиться. Девочка обещает обязательно прийти, прощается и уходит в квартиру, а Мальчик долго ещё сидит на балконе, прижавшись к панельной плите спиной, которая прорастает в неё, бетон тает от её тепла, течёт ему на плечи, всё ниже и ниже под майку, обтекает вокруг и вдруг мгновенно застывает, сжав грудную клетку в тиски, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он хватается ртом воздух, зовёт на помощь, но получается только сдавленный хрип. Так он и сидит, вросший по пояс в стену до утра.

А утром в школе после классного часа у двери нашего кабинета стоит Краш, говорит «привет», берёт меня за руку, и мы идем гулять.

Самый первый

Это событие в классе производит эффект разорвавшейся бомбы.

До моего выхода из-за печки основными и единственными ньюсмейкерами любовного фронта были Петя с Асей. Петя, мой сосед по парте, редкостный раздолбай, абсолютно очаровательный, добродушный, но при этом в пацанской среде чуть ли не самый авторитетный представитель местной братвы на всех стрелках, сын ректора коммерческого вуза, которых в 90-е наплодилось как опарышей на помойке, и Ася – девочка из не самой благополучной семьи с репутацией первой шалавы района. А какая ещё у неё могла быть репутация, если она с первых же секунд заполучила Петю, о котором мечтали все девочки всей параллели старших классов? Даже то, что Ася неплохо училась, занималась спортом и встречалась до этого с одним-единственным парнем, не спасало положения – она продолжала оставаться самым худшим из возможных вариантов. К концу 10-го класса у Аси случилась внематочная беременность, давшая о себе знать посреди ночи на вписке во время одной из вечеринок, которые местная пацанва устраивала всякий раз, когда чьи-нибудь родители не ночевали дома. Петя, перепуганный до смерти, нёс орущую от боли Асю на руках до самой больницы, так и не сумев поймать попутку. Асе перевязали трубу, она возненавидела Петю за всю эту историю и послала его подальше. Петя сначала запил, потом попытался начать колотиться, потом понял, что ничем не унять его боль и тоску, и начал добиваться Аси заново. Он бродил у неё под окнами, он без остановки звонил, он жил в подъезде у Аси, заваливал её цветами, плюшевыми медведями и золотыми побрякушками, и та в итоге сдалась. Не помог даже воинственный настрой разругавшихся друг с другом в пух и прах родителей, перевод Аси в соседнюю школу, строгий комендантский час у обоих и перерезанные провода телефонов. После выпускного бала они поженились.

Одноклассники жили этими шекспировскими страстями, занимали стороны конфликта, неоднократно пытались влезть третьим в эту пару (особенно девочки) и все тайно мечтали о чем-то подобном. Ну хоть разочек!

И тут на тебе!

Что называется, не ждали. Почему и как?! Почему она?! Кто этот парень, а, это тот, что с Шокером, что ли, был на переключке в гриме? А он кто вообще, откуда взялся?

Но больше всего вопросов было у Евы и у Гульнары, которые держались долго и сурово отворачивались от меня, но в итоге любопытство как острый консервный нож вскрыло такую надежную металлическую банку обиды. Они поймали меня после уроков на первом этаже, сидящую на подоконнике, и надели с допросом, что там произошло в тот день?

Я как истинный партизан сказала, что ничего особенного.

Девчонки от негодования аж зашлись. Ева была уверена, что у нас с Крашем был секс, потому что она тогда ушла одна из квартиры, и ничего другого там быть просто не могло. А может, и не только с Крашем, а с обоими. Гуля же добавила, что вся соль в том, почему на этом история не закончилась, а я совершенно не похожа на жертву изнасилования. Значит, мне понравилось. РАССКАЗЫВАТЬ БУДЕШЬ ИЛИ НЕТ?!

От ответа на вопрос меня спас Краш. Собственно, его я и ждала, сидя на первом этаже. Он подошел, поздоровался, спросил, «ты идёшь или как?», перекинул через плечо мою сумку и призывно протянул руку. Мы ушли. Девочки остались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.